

Источник: Зубова Н. Н. Языковая личность повествователя в прозе А. Я. Яшина : (на материале повести «Вологодская свадьба») / Зубова Н. Н. // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография : сб. ст. / РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург, 2017. – [Вып.] 2017. – С. 193–206.

Зубова Нина Николаевна

Вологодский государственный университет

nina.karacheva1991@mail.ru

Языковая личность повествователя в прозе А.Я. Яшина (на материале повести «Вологодская свадьба»)

Осмысление феномена языковой личности происходило в трудах российских и зарубежных учёных на протяжении всего XX века. Как одна из наиболее целостных и методологически осмысленных известна модель языковой личности Ю.Н. Караулова, представленная в его монографии «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. В её анализе сосредоточены три уровня и три аспекта рассмотрения: 1) вербально-семантический; 2) лингвокогнитивный; 3) прагматический.

Понятие языковой личности в лингвоперсонологии применимо не только для характеристики реальной языковой личности, но и для описания реконструируемых образов – языковых личностей, находящих своё проявление в художественном тексте, в первую очередь, повествователя и персонажей художественных произведений. Художественная картина мира составляет существенную грань концептуального образа действительности. При изучении художественного текста представляется вполне правомерным использование термина «языковая личность», так как автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками.

Проблеме языковой личности писателя посвящены работы Н.Н. Меньковой «Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей», И.В. Ружицкого «Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление», Я.А. Фрикке «Языковая личность автора художественного текста и идиостиль: основания лингвопрагматического осмысления фразовой номинации», Е.И. Куган и А.П. Седых «Языковая

личность писателя как лингвокультурный аттрактор: Б.Л. Пастернак и Марсель Пруст», М.А. Хлупиной «Особенности языковой личности С.Д. Довлатова» и др. исследователей.

Специфика персонажа заключается, прежде всего, в том, что «знакомство» с ним имеет чисто лингвистическую природу, ибо персонаж как личность «рождается из хаотического словесного материала» [Мочульский 1995: 512]. Подход к персонажу как к специфической языковой личности может привести к построению одного из возможных вариантов художественной модели человека. Текст или «речевая продукция» представляет собой один из возможных способов фиксации, объективации сознания субъекта, или индивидуальной картины мира. В качестве субъекта анализа, имеющего целью построение модели языковой личности, при таком подходе может рассматриваться и реальная личность, говорящий или пишущий [Ушакова 2008: 76], и персонаж как субъект коммуникации в «изображаемом» мире текста.

Одним из продуктивных способов анализа языковой личности персонажа является рассмотрение эмоциональной составляющей его личности. Наиболее ярко языковая личность персонажа проявляется на когнитивном и прагматическом уровнях языка. Рассмотрение эмоциональных состояний, основной функцией которых является возможность выявления ценностных ориентиров личности, позволяет обратиться к прагматикону личности. Языковая личность проявляется в системе эмоциональных концептов, передающих базовые психоэмоциональные состояния человека (персонажа).

Необходимо различать реальную «языковую личность вообще», построенную «образом автора», то есть воображением, «динамическим развертыванием словесных рядов» (по В.В. Виноградову), и «языковую личность писателя», способную «выходить за пределы себя», перевоплощаться в «языковые личности» своих персонажей. В структуре языковой личности автора органично аккумулируются языковые личности его персонажей, зача-

стью принадлежащих к различным слоям общества и располагающих соответственно различными выразительными средствами: «В обществе, в котором существуют разные классы, различные социальные слои, профессии, многообразные, нередко сравнительно слабо связанные между собой сферы жизни, люди, говорящие на одном и том же языке, имеют неодинаковые языковые навыки. И самая их речь внутренне многомерна: в ней скрещиваются, борются, сосуществуют различные исторические тенденции развития и разные пласты книжной и разговорной речи, столкновение которых эстетически «освежает» и особенности каждого из этих пластов, и психологический облик говорящего» [Гей 1967: 28]. Таким образом, совокупность языковых личностей героев произведений, созданных писателем, подведет нас вплотную к пониманию образа автора как решающей категории анализа литературного произведения.

А.Я. Яшин родился в 1913 году в деревне Блудново Никольского района Вологодской области. В детстве мальчик очень любил слушать рассказы Авдотьи Павловны – бабушки, которая была известной сказочницей, знала много легенд, притчей, сказок – все это впоследствии стало фольклорной основой произведений Яшина.

Александр Яшин довольно поздно осознал, что его талант – это, прежде всего, талант прозаика. Все, что было свойственно поэзии А. Яшина – лиричность, драматизм, юмор, эпическое начало, народность и стройность языка, естественность диалогов, – стало характерным для его прозы. «Крестьянский сын Александр Яшин сам сформировал себя как личность, собственным трудом и волей», – писал о нем В. Солоухин [Солоухин 1980]. Он не только сформировал себя, но примером собственной жизни показал, насколько сложна и крепка связь искусства и времени. Жизнь страны и стремление правдиво отразить ее, вмешаться, помочь составляют основное содержание жизненной и эстетической программы А. Яшина.

По мнению В.Н. Баракова, в прозе Александр Яшин стал настоящим мастером. «Его добрый, светлый и лиричный стиль был свободным и легким по своему ритму. Яшин писал без натуги, с удивительным изяществом. Все у него оказывалось на своем месте – пейзаж, воспоминание, портрет, диалог... И как же много было в его сердце любви! От яшинской солнечной прозы ликовала душа, было радостно, тепло, хорошо и уютно, как на «большой и ласковой» русской печке. Но Яшин, как никто другой, умел и беречь беспокойную совесть, заставлял читателя останавливаться, подолгу думать о себе, о нас, о стране нашей горемычной...» [Бараков 2007]. Одной из ярких особенностей прозы А. Яшина становится ее «лирический автобиографизм» [Рулева 1980: 124].

Особенностью прозы А. Яшина является сближение реального автора и виртуального повествователя в материале описания. Создавая повести, А. Яшин опирался, прежде всего, на факты, собранные им в своей родной деревне Блудново Никольского района Вологодской области, рисовал знакомые с детства места, обращался к судьбам и характерам своих земляков. Например, прототипом невесты Гали в «Вологодской свадьбе» стала двоюродная сестра А. Яшина Нина. А.Я. Яшин написал «Вологодскую свадьбу» 11 сентября 1962 года. Повесть «Вологодская свадьба» А. Яшина занимает особое место не только в творчестве писателя, но и в русской литературе 1960-х годов. Повесть «Вологодская свадьба», опубликованная в 1962 году, вызвала волну полемической критики. «Вологодская свадьба» была осуждена в «Известиях», «Комсомольской правде», в журнале «Москва» и др.: «...безотраднa картина жизни деревни, которую рисует А. Яшин»; изображение жизни здесь «обернулось полной неправдой» [Огрызко 2009].

«Комсомольская правда» 31 января 1963 года опубликовала фальсифицированный ответ земляков писателя с характерным названием «Свадьба с дёгтем». «Оказывается, – подчёркивалось в

«Комсомолке», – земляки литератора А. Яшина – люди нищие и жадные. Что за люди живут на родине Яшина? Воры, плуты, хулиганы, пьяницы – и ни одного честного человека... как могла подняться у Вас рука, чтобы всех собравшихся на свадьбу вывести такими?.. Вы черните даже то, что принёс в деревню колхозный строй... Свадьбу играют, как в старине... В райкомовской машине Вы везёте сваху с иконой... Вы не скрываете восторженного отношения к старинным обрядам... Своей «Вологодской свадьбой» Вы нас кровно обидели. Через тёмные очки смотрите Вы на нашу сегодняшнюю жизнь» [Огрызко 2009].

Между тем многие вологжане позитивно откликнулись на это произведение, поэт А. Романов писал автору в начале 1963 г.: «Ваша «Свадьба» удивительно резко выявила многие характеры...» [Яшин. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. С. 655]. Тогда же автору писал Г. Троепольский: «Такое может написать только тот, кто очень любит человека... Чую я твою большую любовь к своему народу. И слышу правду. Все у тебя здесь – правда» [Яшин. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. С. 655]. Новизна этого произведения заключается в том, что в нем писатель ломает привычные представления современников о деревне той поры, и о пределах реализма и условности при создании характера героя.

В это же время были написаны такие произведения, как «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, «Трудное счастье» С.В. Викулова, «Вокруг да около» Ф.А. Абрамова и «Поденка – век короткий» В.Ф. Тендрякова.

Повествователь и лирический герой произведений Александра Яшина обладают чертами языковой личности в когнитивном, вербально-семантическом и прагматическом аспекте. На когнитивном уровне реализуется идейно-тематический замысел прозаических произведений писателя – репрезентация русского национального характера, раскрытие социальных проблем. Особенностью сюжетной организации произведений является противопоставление городской и сельской жизни («Слуга народа»,

1957; «Сирота», 1961), вербализация предметно-бытовых отношений. В качестве объекта в прозе А. Яшина выступают само-бытные черты русского характера, нравственные устои деревенского жителя, картина мира колхозника.

Наибольшую ценность для реконструкции ЯЛ автора представляют дневники писателя: «Дневники 1941-1945 года», «Бюро райкома. Из дневника писателя (1958)», «Были и небылицы. Из дневника писателя (1944-1967)», «Бобришный Угор. Из дневников последних лет». Из дневников мы узнаем отношение автора к войне, любовные терзания А. Яшина, описание его отношений с В. Тушновой, особенности создания прозаических произведений и пр. Характеристика дневников писателя дает нам право реконструировать лингвокогнитивный уровень языковой личности писателя, аудиозаписи речи Александра Яшина могут служить для краткой реконструкции и выделения особенностей вербально-семантического уровня языковой личности, биографические сведения могут служить основанием для исследования прагматического уровня языковой личности писателя. Прозаические произведения, в которых наряду с повествователем можно выделить особенности суждений самого автора представляют наибольший интерес для характеристики языковой личности автора, поскольку манера общения, подбор слов, описание персонажей свидетельствуют о значимости для А. Яшина данных характеристик. Именно прозаические произведения автора дают нам право реконструировать языковую личность писателя на лингвокогнитивном и прагматическом уровнях. В рассказах А. Яшина мы можем выделить все функциональные типы речи: предметно-бытовые (*ухват, журавлиха*), производственно-технические (*стройконтроль, принудилетка*), диалектные (*рукотерник, плат*).

Анализ текстов художественной прозы писателя-вологжанина А.Я. Яшина также позволяет выявить в речи повествователя и персонажей его произведений ряд стилистических особенностей: сочетание разных стилей в речи одного персонажа, упо-

требление обиходно-бытовой речи с народно-поэтическими вставками. Изобилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами способствует формированию креативной диалектной языковой личности персонажа. Язык произведений А. Яшина очень ярок и богат, автор бережно вплетает в ткань произведения диалектную лексику, это создаёт представление о нём как об уроженце Вологодского края.

При характеристике вербально-семантического уровня языковой личности повествователя прозаических произведений А.Я. Яшина следует отметить некоторые особенности. Речевую основу коммуникации повествователя составляет разговорно-бытовой стиль. В качестве примера можно привести следующие реплики из произведения «Вологодская свадьба»: «Что так далеко замуж отдаешь дочку? Где же они встретились? Как будете свадьбу справлять: по-старинному или по-новому? А невеста плакать должна? Она же там работает три года? Каков жених-то? Что ж, для начала, пожалуй, неплохо! Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!» [Яшин 2003: 468–470]. Особенностью данного стиля является неофициальность, непринужденность речи, устная форма общения, диалогичность. В данных примерах употребляется обиходно-разговорный тип лексики. В приведенных выражениях активны суффиксы субъективной оценки (*дочку*), частицы (*же, пожалуй*), типизированные синтаксические конструкции (*Что так далеко замуж отдаешь дочку? Где же они встретились?*). В речи повествователя также встречаются проявления художественного стиля речи. В качестве примера можно привести следующие реплики: «Колокольчик однозвучный утомительно гремит», «Неужели такое сочиняют вологодские поэты, мои друзья?», «Себе оставил только берестяную солоницу, колокольцы да воркуны на кожаном ошейнике. Сижу за столом, пишу да позваниваю иногда, слушаю: хорошо поют!» [Вологодская свадьба]. В данных примерах употребляются олицетворения (*колокольчик гремит, воркуны поют*). А.Я. Яшин бережно вплетает диалект-

ные слова в язык повествователя: *воркун* – бубенец, шарообразный колокольчик [СВГ I: 39], *солоница* – колонка с крышкой, которую обычно брали на сенокос [СВГ X: 76], *колоколец* – колокол [СВГ III: 87].

При характеристике лингвокогнитивного уровня языковой личности повествователя следует отметить, какими концептами оперирует герой, каким образом это выражается в речи и поведении описываемой личности. В семантическом пространстве каждого языка существуют наборы концептов, которые являются национально-специфичными, своеобразными и неповторимыми, поэтому они представляют ценность для реконструкции языковой картины мира. К ним относятся такие универсальные концепты, как *жизнь, судьба, родина, семья, любовь, дом*.

Ментальный объект «дом» занимает особое место в русской языковой картине мира, он относится к числу архетипических образов. *Дом* – жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов. Дом противопоставляется внешнему миру, входя в бинарную оппозицию «свой – чужой». «Отношение к «чужому» может быть настороженно-ожидаящим, требующим проверки, размышления, неторопливого выработки правильного решения, и, пока оно не достигнуто, к «чужому» присматриваются, его учитывают, но с ним сознательно не хотят сближаться» [Волков 1994: 317–320]. В русской культуре приоритетными являются такие лингвокогнитивные признаки концепта «дом», как «уют», «очаг», «душевность», «семейность». Идиллия «дома» связана с теплом домашнего очага, любящей семьей, дружественной атмосферой.

В текстах повествователя, от лица которого ведется повествование повести «Вологодская свадьба», концепт «дом» занимает центральное место. Дом в понимании повествователя – городская квартира с удобствами. Обращает на себя внимание выражение «*на города*», что характеризуется «побывкой в гостях», баулами, ватниками и затасканными полшубками бывших земляков. Де-

ревенская изба в понимании повествователя ассоциируется с детскими годами, чистыми полами, половиками, рамками с открытками, тюлевыми занавесками, вафельными полотенцами и другими предметами инвентаря. Самой уютной и душевной свадебной традицией, по мнению повествователя, являются сладкие пироги. «Сладкий пирог – белый, сдобный, круглый, величиной с решето, а то и больше. Сверху на нем всякие завитушки, плетеные узоры из теста и разноцветные монпансье («лампасея») да еще изюм» [Яшин 2003: 483–484]. На этой свадьбе повествователь был разочарован приготовлением сладких пирогов: они были украшены лишь бледными конфетами–подушечками с повидловой начинкой. На страницах повести повествователь сокрушается, что не купил в Москве разноцветных атласных и прочих подушечек в гастрономическом магазине «Ударник». «Сладкие пироги на Севере — такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах, фигурные расписные прясницы и кустарные ткацкие станы, как колокольчики «дар Валдая» под дугой и бубенчики (воркунцы, ширкунцы) на ошейниках у лошадей» [Яшин 2003: 484].

Деревенские обычаи воспринимаются повествователем неоднозначно: некоторые он вспоминает с тоской о детских годах (старинный свадебный обряд, сладкие пироги, подарки, убранство дома, фотографии родственников в рамках), а другие кажутся ему далекими и непонятными (цветастые открытки-картинки на стенах с неграмотными стихами; жених, сваха и тысяцкий, приехавшие на самосвале; обезглавленная курица, брызгая кровью, бегала в центре зала).

Концепт «свадьба» представляет собой самое сложное и интересное явление праздничной и ритуальной жизни человека. Нигде так не проявлялся древний быт и народные верования русского народа, как на свадьбе, и до сих пор сохранились отголоски старого русского свадебного ритуала, несмотря на то, что смысл большинства обрядов безвозвратно утерян. Реализации концепта

«свадьба» посвящена кандидатская диссертация Дун Жань «Концепт "Свадьба" и свадебная коммуникация в русской и китайской лингвокультурах» [Дун Жань 2009].

Повествователь, отправляясь на свадьбу в деревню Сушиново, был настроен скептически: он не верил в то, что сохранились старинные свадебные традиции. Обычно приглашения на свадьбу приходили с опозданием на два-три дня с текстом «Шура, приезжай, Тонька с Венькой безруким уписываются» или «Дуньку Волкову пропивать будем, приезжай, погуляем!» [Яшин 2003: 463]. В этот раз приглашение прислала невеста Галя от третьего лица, написанное от души. Мать невесты Мария Герасимовна рассказывает повествователю о том, как должна проходить свадьба: *«Вот приедут они завтра, жених с дружкой, да сваха, да тысячкой, ну и все жениховы гости, и начнет дружка невесту у девок выкупать. Он им конфетки дает, а они требуют денег, он им вина, а они не уступают за вино, продешевить боятся, невесту осрамить. Ну, конечно, шум, шутки-прибаутки, весело. Ежели хороший дружка, разговористой, так и невесте не до слез, все помирают со смеху. Невеста в голос реветь должна, как же! Еще до приезда жениха соберутся подружки и начнут ее отпевать под гармошку, все-таки на чужую сторону уходит. В сельсовете были, как же. Сразу после сватовства съездили. Все по-хорошему. Только ведь что в сельсовете? Расписались — и дело с концом. Никакой красоты. Жених два раза приезжал. Сначала со свахой, с теткой своей, а потом с сулом, один. Когда суло поспевает, жених берет бутылку сусла от своего пива и привозит к невесте. А у невесты наливают ему в ту же бутылку своего сусла и договариваются, в какой день ему за невестой приезжать. Наш Петрован даже пиво складывать нам помог»* [Яшин 2003: 469–470]. На самом деле некоторые обряды были воплощены в жизнь: подготовлено приданое (девический кованный сундук), состоялся выкуп, прошла вечеринка с приглашением плакальщицы Натальи Семеновны с исполнением волок-

нистых песен, подготовлено место для жениха и невесты с полусубками, вынесены сладкие пироги, крики «Горько!» и один бокал для жениха и невесты на двоих. Интересными для повествователя оказались темы для разговоров на свадьбе: хвастовство своими достижениями и изобретательностью (вставная челюсть, скошенная осока после ледостава), жалобы женщин на своих мужей (беседа Груни и Тони на кухне), обсуждение рабочих вопросов (работа в лесу, на заводе), присутствующих собеседников (Натальи Семеновны). Все эти темы периодически сопровождались криками «Горько!». Таким образом, свадебный обряд, по мнению повествователя, был соблюден лишь формально.

Прагматический уровень языковой личности характеризуется при помощи описания целей, мотивов, интересов, установок информанта. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [Караулов, 1987]. При этом имеет значение спектр эмоций и набор речевых средств, используемых для их выражения (эмотивный уровень), а также акустико-артикуляционная партитура речи (репрезентационный уровень), определяющая речевую индивидуальность говорящего.

Яшина-повествователя отличает позиция внимательного наблюдателя: герой подробно описывает все происходящие события, оценивает и не вмешивается. В качестве примера можно привести позицию повествователя в рассказе «Вологодская свадьба»: подробно описывается поведение и реплики каждого действующего лица, мы видим взгляд со стороны, но активных действий и вмешательств со стороны повествователя не происходит.

Некоторые особенности речевого поведения персонажа на прагматическом уровне все же можно отметить. Повествователь проявляет большой интерес к беседе с Марией Герасимовной о воплощении свадебного обряда: задает наводящие вопросы, комментирует ее ответы: *Что так далеко замуж отдаешь дочку?*

Где же они встретились? Говоря о мотивации повествователя, следует отметить его интерес к происходящим событиям, выделение деталей, воспроизведение текстов волокнистых песен. Традиция и воплощение свадебного обряда представляют интерес для Яшина-повествователя. Хочется обратить внимание на внутреннюю мотивацию повествователя при отсутствии проявления внешней (позиция наблюдателя).

Для организации коммуникативного поведения жителей той или иной местности представляет интерес характеристика речевого поведения. Жители Русского Севера, по наблюдениям Л.Ю. Зориной, весьма расположены к умелым рассказчикам, приветливым и доброжелательным собеседникам [Зорина 1995]. Повествователю очень импонирует поведение плакальщицы Натальи Семеновны, ее волокнистые песни, звонкий голос, комментирование непонятных ситуаций.

При анализе специфики прагматической составляющей языковой личности, следует обратить внимание на одну из типичных речевых ситуаций – приветствие. Его содержание – это обращение к кому-либо с приветом, речь с выражением добрых пожеланий, расположения. В речевом поведении повествователя данная составляющая не представлена. События описываются от первого лица, некоторые фразы диалога выпущены из канвы произведения.

На свадебной церемонии повествователь чувствует себя чужим человеком: *«Я, приезжий человек, тоже не был обойден»*. Этим можно объяснить позицию внимательного наблюдателя и неактивного собеседника в полилогах за свадебным столом.

Проанализировав все уровни языковой личности повествователя, следует отметить, что Яшина-повествователя отличает сдержанное поведение уроженца вологодской глубинки, живущего в Москве. Таким образом, можно говорить о диалектной языковой личности повествователя: картина мира, диалектные осо-

бенности речи, лексика вологодского края – свидетельствуют о подтверждении данного тезиса.

Наблюдение за речью персонажей в прозе А. Яшина, интерпретация их речевого воплощения порождает вопрос: как в произведениях талантливого писателя связаны народно-речевая культура и индивидуально-авторская позиция? Следует заметить, что писатели-деревенщики, уроженцы вологодской глубинки, хорошо знали изнутри бытовую и духовную культуру Русского Севера, его обычаи и особенности языка. А.Я. Яшин органично сочетает достоинства художественной прозы XX века с энциклопедическим знанием бытовой и духовной культуры крестьян Русского Севера. Поэтому важным средством создания образов персонажей этих писателей является их речевая характеристика, максимально приближенная по лексическому составу и интонационной структуре к бытовой устной речи сельских жителей Вологодского края. Можно сказать, что на страницах книг А. Яшина мы видим речевые портреты диалектной языковой личности как носителя авторской идеи – стремления к крестьянскому «ладу», к гармонии человека с природой, с людьми и с самим собой.

Литература

1. *Бараков В.Н.* Семь уроков Александра Яшина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=329&pid=177&sub=workabout>
2. *Волков В.В.* Концепция судьбы как встречи, вины, заслуги и воздаяния у М.А. Булгакова / В.В. Волков, Т.И. Суран // *Понятие судьбы в контексте разных культур.* М., 1994. С. 291-297.
3. *Гей Н.К.* Искусство слова: о художественности литературы: монография. М.: Наука, 1967.
4. *Жань Д.* Концепт "Свадьба" и свадебная коммуникация в русской и китайской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2009.

5. *Зорина Л.Ю.* Вологодский народноречевой этикет как динамическая система // Актуальные проблемы диалектной и исторической лексикологии. Вологда, 1995.

6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность: монография. М.: Наука, 1987.

7. *Машина О.Ю.* Русский язык и культура речи: учебное пособие. Великий Новгород, 2009.

8. *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1995.

9. *Огрызко В.В.* За всё отвечать настала пора: Александр Яшин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/3364-oldarchive>

10. *Рулева А.С.* Александр Яшин: Личность. Поэт. Прозаик: монография. Ленинград: Художественная литература, 1980.

11. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда: Русь, 1983–2007.

12. *Солоухин В.А.* Из «Слова об Александре Яшине»: отрывок // Современная русская советская литература. М.: Просвещение, 1980. С. 398–400.

13. *Ушакова О.С.* Теория и практика развития речи дошкольника. М.: Сфера, 2008.

14. *Яшин А.Я.* Слуга народа. Поэзия. Проза / Сост. З.К. Попова-Яшина, Н.А. Попова-Яшина, М.А. Яшин. Вологда: Книжное наследие, 2003.

15. *Яшин А.Я.* Собрание сочинений: в 3-х тт. / предисл. Ф. Кузнецова. М.: Художественная литература, 1984–1986.